

ПРАВО НА НЕЖЕЛАНИЕ

- Мама!

- Что?

- Не хочу!

Трехлетний Моше топает ногой. Мама хватается за мгновенно заболевшие виски и тихо спрашивает:

- Мошико, чего ты не хочешь?

Но у Мошико нет ответа. Он не хочет, и всё.

Все они рано или поздно туда приходят. Они топают ногами, мотают головой, отталкивают поданную ложку или протянутый стакан. Двухлетняя Муся как-то разрыдалась, еще не проснувшись и даже толком не открыв глаза. На вопрос – что случилось, ответила, не переставая плакать:

- Я не хочу то, которое папа сейчас достает из шкафа!

Папа в тот момент доставал из шкафа, кажется, сапожный крем.

Пессимисты называют это кризисом, оптимисты – этапом, опытные родители знают, что когда-нибудь это пройдет, а бабушки уже поняли, что это не проходит никогда. Милая крошка, с которой было так легко поладить, превращается в капризного тирана.

- Ему невозможно ничего предложить! – жалуются родители. – Он ничего не хочет!

Это не совсем верно. «Он», на самом деле, хочет: он хочет не хотеть. А еще он хочет, чтобы мы признали за ним это право.

Так называемый «кризис трехлетнего возраста» - начало формирования личности маленького человека. До того он живет в симбиозе: его потребности, желания и эмоции неотделимы от мира взрослых и составляют для ребенка всю его суть. А в два-три года человек начинает ощущать себя самого. Не только свои желания, переживания и удовольствия, но и то зерно, которое скрывается под ними: будущую личность. Если первый, младенческий, этап развития можно определить как «я хочу», то следующий за ним период – «я есть».

Для того, чтобы впоследствии от души насладиться своим «я», человечку нужно сперва его сформировать. Понять, в чем заключаются его особенности и свойства, определить, где лежат его границы, увидеть, для чего оно нужно вообще. Процесс формирования длится все детские годы, а начинается в те самые невыносимые три. И если до того мир взрослых служил ребенку для стимуляции и удовлетворения потребностей, то теперь он становится тем полем, относительно которого начинающий человек пытается себя определить.

Но почему, недоумевают усталые от бесконечных споров родители, нужно определять себя именно через «не хочу»? Есть же столько прекрасных вещей, которые можно хотеть – для чего начинать именно с «нет»?

«Нет» - это первый, начальный этап любого творчества. Новое не может быть создано совсем из ничего: для того, чтобы придумать что-то, до сих пор не существовавшее, приходится для начала понять, чем оно НЕ является. В начале был хаос – и первым этапом творения стало отделиться от него. В первый день Бог создал небо и землю: определил их, отделив одно от другого. Земля – то, что не является небом. Небо – то, что не является землей. Маленький человек начинает определять себя, «отталкиваясь» от родителей. Первое осознание: я – не мама. Второе осознание: я – не кто-то из тех, кто вокруг меня. Я другой. Ура. Я есть.

Чтобы закрепить материал, приходится скандалить. Допустим, мама предлагает Давиду надеть

штаны. Пойти на поводу у мамы – значит, продолжить оставаться мамой, то есть быть неотделимым от нее. А вот сказать «не хочу!» - это сделать шаг в сторону Давида. Неважно, хочет ли сам Давид надевать штаны. Он вообще не думает о штанах и с трудом их замечает. Он занят определением себя, отличного от мамы. Если мама говорит «штаны», значит, автоматически – не штаны! Если мама говорит «пойдем» - немедленно, с ревом, «не пойдем!».

Мамина роль в этой пьесе нелегка: ее симбиотические отношения с ребенком начинают превращаться в межличностные. Два существа, когда-то связанные одной пуповиной, постепенно становятся двумя самостоятельными личностями, ведущими полноценный диалог. Жаль, что в дороге к этому вожделенному диалогу, как в известном анекдоте, «кормить никто не обещал».

Процесс первичного отделения болезнен и нелегок для обеих сторон. Ребенок вынужден непрерывно спорить (это не доставляет удовольствия не только маме, но и ему самому), а маме приходится не только взаимодействовать с непрерывно спорящим ребенком, но и переживать, что их общая пуповина потихоньку рвется. Мамы бы часто предпочли, чтобы теплая, ласковая детка подольше оставалась в надежных родительских руках. Детки бы это тоже, возможно, предпочли – но в надежных ласковых руках невозможно построить самостоятельную личность. Приходится прилагать усилие и вырваться, чтобы сделать первые самостоятельные шаги.

* * *

Что же нужно подрастающему ребенку? Прежде всего, те же количества любви и понимания, которые изливались на малыша. И которые неожиданно стали дополнительной задачей для родителей – ведь нерассуждающе любить гораздо проще тех, кто сам не рассуждает. А маме трехлетнего человека приходится принять, что вчерашняя сговорчивая крошка сегодня подросла и больше не может соглашаться на все, что ей предлагают. Не «не хочет», не «не умеет», а именно «не может», как не может влезть в свой прошлогодний пушистый комбинезон.

Помимо понимания и любви, начинающему террористу нужна свобода выбора. До сих пор за него все решали родители, ориентируясь на своё усмотрение в сочетании с детской реакцией («тихо – значит, вкусно»). Но для формирования личности ребенку надо что-нибудь решать самостоятельно. Причем решать не иллюзорно, под снисходительную родительскую улыбку («чего ты хочешь на завтрак, зайка - хлопья или кашку?»), а на самом деле, влияя своим решением на собственную жизнь и жизнь семьи. Участвовавшие споры и скандалы с ребенком – симптом его начавшегося взросления. Значит, пришло время определить ту сферу, в которой ребенок будет сам принимать решения. И не только определить, но и честно отдать ему на откуп.

Что именно туда войдет, зависит от интересов и характеров детей. Кому-то понравится самому выбирать одежду, кто-то с удовольствием будет решать, идем ли мы гулять в выходной, а кто-то захочет сам определять время завтрака и обеда. Важны тут не конкретные темы, а наша честность: мы готовы согласиться с решением, каким бы оно ни оказалось. Не хочешь идти гулять – остаемся дома. Выбрал для похода в садик резиновые сапоги, вельветовые брюки и плащ-палатку – оделся и пошел. Это в тридцать лет «в таком виде по улице ходить нельзя». В три года – можно. Особенно если накануне лучший друг явился в шортах, лаптах и с ведром на голове.

Одновременно встает вопрос границ. Да, ребенок сам решил, что сегодня он идет гулять в купальнике и панамке. Но на улице минус двадцать восемь! И что, отправить его в таком виде? Нет, конечно. Родители дают ребенку свободу, не отпуская его при этом в неконтролируемый полет, а стоя рядом и обучая пользоваться новой для него свободой.

Быть самостоятельным не так уж просто. Приходится брать в расчет массу мелких деталей – погоду, безопасность, минимальные приличия (пойти к соседям голым все-таки нельзя), ситуацию (гуляя с папой, можно залезть на дерево, а вот гуляя с бабушкой, лучше не надо). Кроме того, принятие решений влечет за собой ответственность за результат. Ты решил не идти гулять – мы проводим тихий домашний день. Но если под вечер тебе захотелось пойти в парк два часа назад, этого уже никак не исправить. Приходится страдать.

Главное для мамы в этот момент – удержаться и не сказать «если бы ты меня послушал, все бы было хорошо». Ребенку не настолько нужно в парк, ему нужнее тот заряд самостоятельности, который он получил, оставшись дома. А то, что сам он оказался не в восторге от результата – побочное явление не слишком удачно принятого решения. Это не страшно и часто бывает во взрослой жизни. Роль родителя в данном случае – поддержать ребенка, пожалеть, что так получилось, и... дать ему возможность в следующий раз снова решить, куда идем. Не для того, чтобы он научился на собственных ошибках, а чтобы эта возможность у него по-прежнему была.

Как бы ни хотелось маме самой достать тарелку, самой выложить рис из кастрюли, самой подмести пол от просыпавшегося риса, самой взять вилку, самой поставить на место упавший стакан с приборами и самой, наконец, поесть – придется оставить все это на усмотрение того, кому так нужно просыпать рис, чтобы утвердить свою самостоятельную личность. Более того, личность придется все время поддерживать в ее полезных начинаниях. Все, что она делает удачно, стоит немедленно отметить, все, что ей пока не удается – отметить как уже продвинувшееся на пути к успеху. Ребенок должен чувствовать, что его самостоятельность – радость и гордость для родителей, что он прав в своих попытках завоевать себе щит, меч и ведро на голове.

Трехлетке не нужно «вообще уйти», ему нужно уйти на два шага от мамы. Именно от мамы и именно на два шага. Чтобы после этого мама искренне восхитилась, какой он уже независимый от нее – и этим восхищением закрепила его уверенность, что обретенная самостоятельность не лишает ни близости, ни любви.

* * *

Детская свобода жестко замкнута в рамки естественных возрастных ограничений - но внутри этих рамок должна быть максимально приближена к детской потребности в ней. Чтобы определить масштабы этой потребности, стоит проследить, в каких сферах ребенок особенно яростно спорит и добивается своего. Именно там ему особенно нужен хотя бы минимальный уровень свободы – и именно эта свобода ощутимо снизит общий напряженный фон.

(Если ребенок яростно спорит и скандалит вообще по любому поводу, без явных предпочтений, значит, и уровень свободы нужен в целом, неважно, с чего именно начать).

Но, помимо собственных желаний и базисных ограничений, ребенку приходится учитывать еще одну переменную: родительский характер. Самостоятельность, свобода – все это хорошо, но родитель – тоже человек, и от его душевного состояния развитие ребенка зависит больше, чем от чего бы то ни было еще. Если маме делается дурно при мысли, что трехлетний авантюрист отправится к соседям в майке и шортах, не подходящих по цветам, значит, самостоятельность этого конкретного авантюриста лежит не в сфере выбора одежды, даже если сфера выбора одежды ему лично так важна. Если бабушка готова слечь с инфарктом, когда Йони обедает мороженым, а не супом, тефтелями и компотом, стало быть, Йони придется развивать личность выбором чего-то другого, не еды. (Или еды, но не при бабушке). Родитель должен быть внутренне согласен с тем уровнем свободы, который он предлагает ребенку. В ином случае, его целью будет не столько дать человечку развиваться, сколько доказать, что принимать решения человек сам пока не может. А это только усилит желание ребенка «взять свое» и недовольство обеих сторон друг другом.

* * *

Строго говоря, ужасный кризис трехлетнего возраста – не совсем кризис и даже не этап. Это первый шаг маленького человека к тому, чтобы стать большим. Дальше таких шагов будет много, с годами все больше, отчасти они будут пройдены безболезненно, отчасти – с криками и скандалом, какие-то из них в результате не будут пройдены вообще. Взрослые люди здорово отличаются друг от друга уровнем внутреннего развития. А начинается все в тот момент, когда смешной упитанный малыш топает толстой ножкой, строит страшную рожу и заявляет:

- Не хочу!

Это, на самом деле, праздник: младенец становится самостоятельной личностью. Точнее, пытается стать. Но праздновать его родителям приходится на бегу, правой рукой страхуя новоиспеченную личность, чтобы она самостоятельно не улетела с пятого этажа, левой прижимая компресс от головной боли к собственному лбу. А вчерашний младенец надел на ноги ласты, на голову - ведро, шествует по лестнице задом наперед и совершенно счастлив. Ведь самое большое счастье – когда тебя поняли, наконец.

Виктория Райхер, <http://e-goom.co.il/materials/materials/2012/03/20/13..>